

18+

НОСТАЛЬГИЯ ПО БУДУЩЕМУ

Владимир Кром

Владимир Кром

Ностальгия по будущему

<https://litres.ru/73874484>

ISBN 9785006992184

Аннотация

Десять рассказов на грани нейротехнологий, космоса и психологии. О сознании, которое стало слишком большим. О памяти, которая путает времена. О тоске по родине, которой не существует на картах. Можно ли договориться с собственной энтропией? Как лечить чёрную дыру, из которой не выходит свет? И что остаётся от личности, когда солипсизм доказан научно? Ответы — внутри. Если вы готовы заглянуть в сознание размером со вселенную.

Содержание

Космонавт, страдающий ностальгией по будущему	5
Диалог с собственной энтропией	12
Одиночество в гиперсвязанной вселенной	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ностальгия по будущему

Владимир Кром

© Владимир Кром, 2026

ISBN 978-5-0069-9218-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Космонавт, страдающий ностальгией по будущему

Меня зовут Алексей, и я тоскую по тому, чего никогда не было.

Звучит как болезнь. Так оно и есть. Врачи называют это «антеградной ностальгией» — тоской по событиям, которые ещё не случились. Обычно это встречается у пожилых людей с деменцией. Но мне всего тридцать четыре, я космонавт, и я нахожусь на борту межзвёздного корабля «Терра-Нова» на расстоянии полутора световых лет от Земли.

Мы летим к системе Проксима Центавра уже семь лет. Осталось ещё тридцать три. Я не увижу Земли никогда. Мои родители умрут до моего возвращения. Мои друзья состарятся. Та девушка, которую я поцеловал на прощание в космопорту, уже, наверное, вышла замуж и родила детей. Я для неё — красивая легенда, которую она рассказывает внукам: «А я целовалась с космонавтом, который улетел к звёздам».

Я не вернусь. Я знаю это. Но тоскую я не по Земле.

Я тоскую по дому, которого у меня никогда не было.

Это началось не сразу. Первые годы полёта были заполнены работой, тренировками, научными экспериментами. Мы, четверо на борту, жили как семья — ссорились, мирились,

праздновали дни рождения в тесном отсеке. Я был счастлив. Или убеждал себя, что счастлив.

А потом, на четвёртом году, я вдруг поймал себя на мысли, что смотрю в иллюминатор на звёзды и представляю... дом. Не тот, что остался на Земле, а другой. Какой-то идеальный дом, которого никогда не существовало. Дом с верандой, где пахнет деревом и дождём. С книжными полками от пола до потолка. С камином, в котором трещат дрова. С женой, которая ждёт меня к ужину. С детьми, которые бегают по траве босиком.

Я никогда не жил в таком доме. Моя квартира в Москве — типичная однушка с пластиковыми окнами и звуками соседей за стеной. У меня не было жены. Не было детей. Но эта картинка была такой яркой, такой реальной, что я просыпался по ночам с ощущением, что только что оттуда вернулся. И плакал. Потому что понимал: этого не будет никогда.

Психолог на борту, Ирина, сказала, что это защитный механизм.

— Твой мозг не может принять, что будущего нет, — объясняла она, разливая по кружкам травяной чай. — Ты не вернёшься на Землю, у тебя не будет семьи в привычном смысле, ты умрёшь в космосе или на чужой планете. Это слишком страшно. Поэтому мозг создаёт иллюзию: «Вот оно, будущее, которого ты ждёшь. Оно прекрасно. Но оно недостижимо». И ты тоскуешь по нему, как по потерянному раю. Но

рая не было. Есть только тоска.

— И что мне делать? — спросил я.

— Принять, что будущего нет. Есть только настоящее. И настоящее — это этот корабль, эти люди, эта работа. Если ты перестанешь ждать идеального дома, может быть, ты заметишь, что дом уже здесь.

Я не поверил ей. Как может быть домом железная банка, летящая в пустоте? Как могут быть семьёй люди, которых ты не выбирал? Как можно жить без надежды на лучшее будущее?

Но Ирина была права в одном: будущего действительно не было.

Я начал вести дневник. Не обычный — дневник будущего. Я записывал в него события, которые ещё не случились, но которые я хотел бы пережить. «Сегодня мы с женой посадили яблоню во дворе». «Сегодня дочь пошла в первый класс». «Сегодня я научил сына забивать гвозди».

Я писал эти записи с такой тщательностью, с таким чувством, будто они были правдой. А потом перечитывал и плакал. Потому что правдой они не были. И никогда не станут.

Однажды капитан, пожилой космонавт с грубым лицом, нашёл мой дневник.

— Ты с ума сошёл, парень, — сказал он, бросая тетрадь на стол. — Ты убиваешь себя этими сказками.

— Это не сказки. Это то, что могло бы быть.

— Не могло бы. Ты выбрал космос. Твой выбор — этот корабль, эта миссия, эта жизнь. А ты ведёшь себя как ребёнок, который хочет съесть пирожное и сохранить его. Не бывает так.

— А как же надежда?

— Надежда на что? На то, что физика изменится и мы долетим за год? На то, что время повернёт вспять? Надежда должна быть на то, что реально. А реально — мы долетим до Проксимы, высадимся на планету, построим базу. Это и есть наше будущее. Не твоя яблоня, не твоя жена, не твои дети. А колония. И если ты не примешь это сейчас, ты сойдёшь с ума до прибытия.

Я промолчал. Но внутри меня что-то щёлкнуло.

Капитан был прав. Я действительно сходил с ума. Мои «воспоминания о будущем» становились всё ярче, всё реальнее. Я уже не просто представлял дом — я ощущал его. Запах пирогов, шум дождя, прикосновение чьей-то руки. Я переставал замечать реальность. Однажды я чуть не задохнулся в скафандре во время выхода в открытый космос, потому что на минуту «увидел» себя в том доме и забыл, где нахожусь.

Ирина отвела меня в лазарет и долго смотрела на показатели мозговой активности.

— У тебя галлюцинации, — сказала она. — Твой мозг не отличает вымысел от реальности. Ещё немного — и ты не

сможешь работать. Нам придётся тебя заморозить до прибытия.

— Заморозить? Я не хочу спать тридцать лет!

— Это лучше, чем умереть. Ты сам себя убиваешь, Алексей. Твоя ностальгия по будущему — это форма самоуничтожения. Ты отрицаешь настоящее так сильно, что оно перестало для тебя существовать.

Я смотрел на неё и понимал, что она права. Но я не мог остановиться. Не мог перестать тосковать по тому, чего не будет.

В ту ночь я не спал. Сидел в иллюминаторной рубке, смотрел на звёзды и думал. О своём детстве, о выборе профессии, о том, как я мечтал стать космонавтом. Я мечтал о космосе так же сильно, как теперь мечтаю о доме. Но тогда моя мечта сбылась. А теперь — нет.

Почему? Потому что я перестал верить в настоящее. Я променял реальность на иллюзию. Я забыл, что космос — это и есть моё будущее. То, ради чего я жил. То, что выбрал сам.

Я достал дневник, перечитал все записи. «Яблоня», «школа», «гвозди». Красивые, тёплые, невозможные. А потом открыл новую страницу и написал:

«Сегодня я понял, что мой дом — здесь. На борту „Терра-Нова“. Моя семья — Ирина, капитан, инженеры. Моё будущее — планета у Проксимы Центавра. Я больше не буду

тосковать по тому, чего нет. Я буду жить тем, что есть».

Я зачеркнул слово «жить» и написал «быть». Потому что жизнь в космосе — это не жизнь. Это существование. Но и оно может быть полным, если перестать ждать другого.

Прошло три года. Я не вылечился от ностальгии. Иногда по ночам я всё ещё вижу тот дом, ту женщину, тех детей. Иногда я просыпаюсь с ощущением, что только что держал в руках яблоко с собственной яблони. Но я больше не плачу. Я принимаю эти видения как сны. Красивые, тёплые, невозможные. И возвращаюсь в реальность — в железную банку, летящую сквозь пустоту.

Мы приближаемся к Проксиме. Ещё тридцать лет — и мы будем там. Я не доживу, наверное. Но капитан доживёт. Ири-на доживёт. Может быть, они посадят яблоню на новой планете. Не мою. Но чью-то.

Вчера я смотрел в иллюминатор и вдруг понял, что больше не тоскую по будущему. Я тоскую по настоящему. По этому моменту, который уже уходит. По звёздам, которые никогда не повторятся. По людям, которые сидят рядом и дышат одним воздухом.

Это тоже ностальгия. Но другая. Не по вымыслу, а по реальности, которая исчезает прямо сейчас.

Может быть, это и есть взросление. Не умение ждать, а умение прощаться. С каждым мгновением, с каждым светом, с каждым человеком.

Я закрываю дневник и иду в отсек. Ирина варит кофе. Капитан шутит. Инженеры спорят о траектории. Я сажусь с ними и чувствую: вот оно. Моё будущее. Не то, которое я придумал, а то, которое есть. Прямо здесь. Прямо сейчас.

И его достаточно.

Даже если завтра его не станет. Даже если мы никогда не долетим. Даже если я умру в этой железной банке, не увидев ни яблонь, ни детей, ни травы.

Я был. Я любил. Я тосковал. Я жил.

Этого достаточно.

Диалог с собственной энтропией

Меня зовут Сергей, и я разговариваю с хаосом.

Каждую ночь, когда звездолёт «Ковчег» разрезает пустоту между галактиками, я сажусь в кресло психометрической капсулы, подключаю электроды к вискам и вызываю её. Энтропию. Меру беспорядка. Силу, которая превращает порядок в хаос, жизнь в смерть, память в забвение.

Я — штатный психолог экспедиции. Моя задача — следить за ментальным здоровьем экипажа. Но пятьдесят лет одиночества в глубоком космосе сделали своё дело: теперь самый нестабильный член команды — я сам. И единственный, с кем я могу говорить об этом, — моя собственная энтропия. Галлюцинация, порождённая радиацией, стрессом и бесконечностью.

Или не галлюцинация. Я уже не уверен.

Первая встреча. Осознание хаоса

Впервые она пришла ко мне на десятом году полёта. Я тогда ещё не знал, как её назвать. Просто сидел в каюте, смотрел на фотографию жены — ту, которую взял с Земли, — и вдруг понял, что не помню её лица. Не то чтобы забыл — черты расплылись, стали нечёткими, как старая фотография под дождём. Я пытался вспомнить цвет её глаз, но в памяти всплывали только слова: «карие», «тёплые», «как лесной

орех». Слова. Не образ.

И тогда я впервые услышал голос.

— Порядок стремится к хаосу, — сказал он. — Это закон.

Твоя память не исключение.

Я обернулся. В кресле напротив сидела я. Моё тело, моё лицо, мои руки. Но глаза были другими — пустыми, глубокими, как космос.

— Кто ты? — спросил я.

— Я — то, во что ты превратишься. Я — твоя энтропия.

Скорость, с которой ты забываешь, стареешь, распадаешься.

Я — твоя смерть, только медленная.

— Зачем ты пришла?

— Ты сам меня позвал. Ты почувствовал, как что-то уходит. Я пришла объяснить, что это нормально.

С тех пор она приходит каждую ночь. Мы говорим. Иногда спорим. Иногда молчим. Но я больше не один.

Второй диалог. Память и забвение

— Почему я не могу удержать её лицо? — спросил я. —

Я люблю её. Любовь должна быть сильнее энтропии.

— Любовь — это химия, — ответила Энтропия. — Молекулы распадаются. Нейронные связи истончаются. Ты не перестал её любить. Ты просто перестал помнить, как именно выглядит твоя любовь.

— Это одно и то же.

— Нет. Любовь — это действие. Ты можешь любить, не

помня лица. Ты можешь жертвовать, не помня имени. Память — это просто архив. Любовь — это процесс.

— Ты говоришь как психолог.

— Я говорю как ты. Я же твоя энтропия. Я знаю все твои мысли, даже те, которые ты прячешь.

Я замолчал. Она была права. Я действительно знал, что любовь не требует точного воспроизведения образа. Но мне было больно. Больно терять детали, которые казались вечными.

— Ты боишься не потери памяти, — сказала она. — Ты боишься, что вместе с лицом жены потеряешь и себя. Что станешь пустым, как этот космос.

— А разве нет?

— Станешь. Но пустота — это не конец. Это начало. В пустоте можно построить всё заново. Даже себя.

Третий диалог. Тело и распад

На тридцатом году полёта моё тело начало сдавать. Артрит, ухудшение зрения, потеря мышечной массы. Мы не были рассчитаны на такое долгое путешествие. Криокапсулы сломались ещё на пятнадцатом году. Мы старели в открытом космосе, вдали от гравитации, от нормальной атмосферы, от всего, что делало нас людьми.

— Посмотри на себя, — сказала Энтропия, когда я рассматривал свои морщинистые руки. — Ты превращаешься в меня.

— Я превращаюсь в старика.

— Старость — это и есть энтропия. Порядок твоих клеток нарушается. Белки сворачиваются неправильно. ДНК накапливает ошибки. Ты распадаешься на куски, которые уже не соберутся в целое.

— Это страшно.

— Это естественно. Звёзды тоже распадаются. Галактики разлетаются. Вселенная стремится к тепловой смерти. Ты — не исключение. Почему люди так удивляются, что они смертны?

— Потому что мы чувствуем себя вечными.

— Ошибка восприятия. Вы — временные структуры в вечном хаосе. Как завиток дыма. Красиво, но недолговечно.

— Спасибо за утешение.

— Я не утешаю. Я констатирую. Но в этом есть и хорошая новость.

— Какая?

— Раз ты временный, каждое твоё мгновение уникально. Никогда больше не будет такого же Сергея, таких же мыслей, такого же заката за иллюминатором. Ценность не в вечности. Ценность в единственности.

Я посмотрел на звёзды. Она была права. Каждый раз, когда я смотрел на них, они были другими. Я был другим. Даже энтропия была другой — всё более плотной, более тяжёлой, более неизбежной.

Четвёртый диалог. Смерть и небытие

На сорок пятом году умер капитан. Сердце остановилось во сне. Мы похоронили его в открытом космосе — вытолкнули тело в шлюз, и оно уплыло в темноту, медленно кружась, как лист в осеннем ветре.

Ночью я позвал Энтропию.

— Я следующий? — спросил я.

— Все вы следующие. Вопрос времени.

— Я боюсь не смерти. Я боюсь небытия. Не помнить, не чувствовать, не быть.

— Небытия нет, — сказала она. — Есть переход из одной формы в другую. Твои атомы станут частью звёзд. Твоя энергия рассеется в космосе. Твоя информация — если её сохранят — будет жить в памяти других.

— А если не сохранят?

— Тогда ты исчезнешь полностью. И это тоже нормально. Большинство звёзд не помнят по имени. Большинство галактик никто не открывает. Вселенная не обязана тебя помнить.

— Жестоко.

— Честно. Но посмотри с другой стороны: раз тебя никто не помнит, ты свободен. Нет обязанности соответствовать чужой памяти. Нет груза наследия. Ты просто живёшь — и умираешь. Как цветок. Как пылинка. Как всё.

— Ты пытаешься меня утешить?

— Я пытаюсь тебя освободить.

Пятый диалог. Принятие

На пятидесятом году полёта мы достигли цели. Экзопланета в системе Глизе, пригодная для жизни. Я уже не мог ходить — только сидеть в кресле-каталке и смотреть, как молодые члены экипажа готовят высадку.

— Ты не полетишь с ними, — сказала Энтропия.

— Знаю. Моё тело не выдержит гравитации.

— Ты умрёшь здесь, на корабле.

— Знаю.

— Ты не боишься?

Я посмотрел на неё. В мои глаза — пустые, выцветшие, но спокойные.

— Нет. Я принял. Я — временная структура в вечном хаосе. Как завиток дыма. Красиво, но недолговечно. Ты сама меня этому научила.

— Ты не жалеешь?

— О чём? О том, что не вернулся на Землю? О том, что не увидел внуков? О том, что моё лицо забыли? Нет. Я был. Я чувствовал. Я разговаривал с собственной энтропией. Этого достаточно.

Она улыбнулась. Впервые за пятьдесят лет.

— Прощай, Сергей.

— Прощай.

Она исчезла. И в тот же миг я понял, что больше не нуждаюсь в ней. Потому что сам стал энтропией. Хаосом, который принял себя.

Эпилог. Последний закат

Молодые колонисты ушли на планету. Я остался один на корабле. Через три дня, по расчётам, у меня закончится кислород. Я сижу в кресле у иллюминатора и смотрю на новый мир. Он прекрасен. Фиолетовые холмы, оранжевое небо, два солнца. Никто никогда не увидит этого таким же, как я. Потому что я единственный.

Энтропия больше не приходит. Я сам стал ею. Моё тело распадается, память тает, мысли путаются. Но внутри — тишина. Не пустота, а именно тишина. Как после хорошего разговора, когда все слова сказаны и можно просто быть.

Я вспоминаю жену. Теперь я не пытаюсь восстановить её лицо. Я просто чувствую её присутствие. Тёплое, светлое, уходящее. Как закат. Как жизнь.

За иллюминатором всходят два солнца. Я закрываю глаза и улыбаюсь.

— Спасибо, — шепчу я энтропии. — За то, что научила меня умирать.

Она не отвечает. Но в последний миг, перед тем как сознание гаснет, я слышу её голос. Только теперь он звучит не извне, а изнутри. И в нём нет пустоты. Есть покой.

«Ты был хорошим завитком дыма. Красивым. Недолговечным. Но самым красивым из всех, что я видела».

Я открываю глаза в последний раз. Фиолетовые холмы, оранжевое небо, два солнца. И тишина.

Настоящая. Бесконечная. Моя.

Корабль гудит, системы отключаются одна за другой. Кислород падает. Но мне не страшно. Я уже там, куда уходят все завитки дыма. В никуда. В вечность. В покой.

И это не конец. Это переход.

Как она и говорила.

Одиночество в гиперсвязанной вселенной

Меня зовут Алексей, и я самый одинокий человек в галактике. Это не гипербола и не жалоба. Это клинический диагноз, зарегистрированный в Едином реестре психических состояний. Я подключён к Сети — как и все восемь миллиардов людей на Земле и ещё триста миллиардов разумных существ в известной вселенной. Я чувствую их всех. Они чувствуют меня. Мы никогда не молчим, никогда не остаёмся одни, никогда не теряем связь.

И всё равно я один.

Гиперсвязь — величайшее достижение цивилизации. Её изобрели триста лет назад, когда объединили все нейронтерфейсы в единую сеть, пронизывающую пространство и время. Теперь любой разумный вид в любой точке галактики может мгновенно обмениваться мыслями, чувствами, воспоминаниями. Никакой потери смысла, никакого недопонимания. Полная, абсолютная, тотальная эмпатия.

Люди больше не ссорятся. Не воюют. Не предают. Потому что невозможно причинить боль тому, чью боль ты чувствуешь как свою. Гиперсвязь создала рай. Идеальный, гармоничный, безопасный рай.

Я единственный, кому в этом раю плохо.

Моя работа — психолог в Центре адаптации. Ко мне приходят те редкие несчастные, у которых сбой в интерфейсе или врождённая нечувствительность к Сети. Их единицы на миллиард. Но они есть. И я помогаю им привыкнуть к тому, что они не слышат других, а другие не слышат их.

Парадокс в том, что я сам слышу всех. И это моя проблема.

— Вы не представляете, каково это, — говорит моя пациентка, девушка с аномалией, отключающей её от Сети на несколько часов в день. — Когда связь рвётся, я остаюсь одна. Абсолютно одна. В голове тишина. Ни одного чужого голоса. Только мои мысли. Это так страшно, что я хочу умереть.

— Я знаю, — отвечаю я. И она не слышит в моих словах иронии. Она не знает, что для меня тишина — несбыточная мечта.

Гиперсвязь не терпит пустоты. Каждую секунду миллиарды мыслей проходят сквозь меня. Я чувствую радость ребёнка на другой планете, который впервые увидел зелёное солнце. Я чувствую горе старухи, чей муж умер тысячу световых лет отсюда. Я чувствую страх солдата перед боем, возбуждение любовников, скуку чиновника, восторг учёного, открывшего новый закон физики.

Всё это — моё. Одновременно. Без фильтра, без паузы,

без права закрыться.

Люди научились блокировать ненужные сигналы, настраивать приоритеты, отключаться от чужих эмоций. Я — нет. Мой интерфейс сломался при рождении. Я не могу закрыться. Я слышу всё. Всегда.

Это называется «синдром открытой двери». Моё сознание — комната без стен. Любой ветер, любой крик, любой шёпот проходят сквозь меня. И я не могу попросить их уйти.

Однажды я попытался отключиться. Нашёл подпольного хирурга, который обещал вырезать интерфейс. Операция стоила состояния, но я был готов отдать всё. Когда я лёг на стол, хирург посмотрел на мои сканы и покачал головой.

— Твой интерфейс врос в мозг, — сказал он. — Если я его вырежу, ты умрёшь. Не от кровотечения — от тишины. Твой мозг не знает, что такое молчание. Он будет паниковать, галлюцинировать, разрушать сам себя.

— А если не вырезать?

— Ты будешь жить. Но ты никогда не будешь один. И никогда не будешь с кем-то по-настоящему.

Он отказался от операции. Я вернулся в пустую квартиру, где стены были звуконепроницаемыми, но не спасали от голосов в голове.

Моя пациентка, которая на несколько часов в день остаётся без связи, выздоравливает. Мы работаем над тем, что-

бы она не боялась тишины, чтобы воспринимала её не как потерю, а как отдых. Она учится слушать себя — свои собственные мысли, желания, страхи. Оказывается, многие люди боятся этого больше, чем одиночества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.